

Из воспоминаний Керта Георгия Мартыновича, рядового 1252-го стрелкового полка 376-й Псковской Краснознаменной дивизии. 12 октября 1984 г. – 29 апреля 1987 г.

[...] Было это уже в южной Эстонии поздним летом 1944 года. Стабильной линии фронта не было, с боями мы продвигались вперед и вперед. Командир 45 миллиметровой батареи, его ординарец и девушка-санинструктор пошли выбирать позицию для орудий и наткнулись на немецкую засаду. Фашисты зверски замучили их, вырезав напоследок звезды на груди. Мы шли по дороге, а они лежали растерзанные на ее обочине. Вот так воспитывала нас немецкая пропаганда. [...]

Был сентябрь 1942 года. После госпиталя в г. Тихвине, как было написано в справке, «красноармеец 12-го армейского инженерного батальона годен к строевой. Выписывается в часть». Ехали мы с другом в сторону Волховского фронта. На фронте знакомство у молодых завязывается быстро: расспросили друг друга, как зовут, откуда родом, чем занимался в мирное время, а вот уже и друзья, а фронтовая дружба, нигде и никем не учтенная, очень помогала нам и в боевых действиях, и во время отдыха, и доформирования в тылу. В это время из-под Мясного Бора возвращалась после тяжелых кровопролитных боев 376-я стрелковая дивизия, которой предстояло участвовать в боях по прорыву блокады Ленинграда. В Жихареве к нам в теплушку пришли представители этой дивизии с предложением служить в ее частях. Предложения были самые разнообразные: пехота, артиллерия, разведка. Мы с другом, как говорится, «записались в разведку». Выдали нам новенькие автоматы ППШ. Помню, как мы гордились этим: ведь такие автоматы выдавали не всем. После тяжелого пешего марша в район северо-западнее Путилова, где дивизия вошла в состав 2-й ударной армии, перед нами поставили задачу прорвать оборону противника южнее деревни Гонтовая Липка. Утром вышли на исходные рубежи. До этого нам выдали НЗ (неприкосновенный запас).

Командир роты с возгласом: «За Родину! За Сталина!» - поднял нас в атаку. Местность была лесистая и болотистая, сильно заминированная, причем мины не только замаскированные в земле, но и с взрывателями с натянутой проволокой. Враг открыл ураганный минометный огонь. Наш взвод автоматчиков от этого огня пострадал не сильно, т.к. мы выдвинулись значительно вперед основных частей и почти сблизились с противником. Пройдя минные заграждения, мы залегли перед дотом. Враг нещадно поливал автоматным и пулеметным огнем. Кроме того, стреляли снайперы - «кукушки». Вот здесь пришлось крепко пожалеть о том, что у меня отсутствовала саперная лопата. Но, видно, сила жизни настолько велика, что я буквально руками вырыл себе укрытие, причем под прицельным огнем врага. Урок с лопатой я хорошо «заучил», и впоследствии мы не жалели труда, чтобы поглубже закопаться. Продвижение вперед было невозможно, да и ряды наших бойцов значительно поредели. Хорошо помню этот вечер 22 сентября. Солнце клонилось к закату, и мне подумалось, что это последний закат солнца в моей жизни. Но страха почему-то не было, было чувство обиды от невыполненного долга. Часто спрашивают, страшно ли было на войне. Я отвечаю, да, было страшно, но этот страх был всегда перед неизвестностью, перед боевым делом, я только усилием воли и чувством собственного достоинства заставлял себя пересиливать его. И, конечно, приказ командира следовало выполнять. Сильнее страха было чувство не оказаться трусом перед лицом своих товарищей. Уже стемнело. Теперь главной заботой было не уснуть. Мелькнула было предательская мысль, закопать комсомольский билет на случай пленения во сне, но тут же устыдился и отбросил ее. Так лежал в полудреме, пока забавный эпизод окончательно не разбудил меня. Лежа, вдруг почувствовал, что кто-то трогает меня за бок снизу. Я вздрогнул и инстинктивно схватился за бок. Это оказалась небольшая мышка, с которой мы встречали рассвет следующего дня. Наутро был получен приказ вернуться на исходные

рубежи. Прорыв не удался, но своими действиями мы сковали силы противника.

У солдата в походе все было рационально продумано, ничего лишнего. Все «жизнеобеспечение» с собой: автомат, граната, вещмешок, шинель, плащ-палатка, котелок, ложка. Как мы ухаживали за автоматом, следили, чтобы в диске всегда были патроны. Первая заповедь солдата – автомат всегда при себе, даже если спишь. Помню, попросили меня отнести термос с едой товарищам, находившимся в боевом охранении. То ли поленился взять автомат, то ли посчитал задание минутным делом, но автомат оставил в землянке. А получилась заварушка, хорошо «лимонка» была с собой, да ноги крепкие молодые, а так бы не писать мне этих воспоминаний. С тех пор даже на гражданке просыпался от страха, что автомата почему-то нет. И номер автомата 4040, выбитый на его поверхности, всегда очень явственно вырисовывался. Должен сознаться уже теперь, что коробку от противогаза мы выбрасывали. То ли не верили в возможность химической войны, то ли слишком уж тянула эта коробка. Много хлопот доставляли нам обмотки. Это потом мы научились их заматывать «с форсом» не на всю икру ноги, а чуть поверх голеностопного сустава. И держались крепче и смотрелись лучше. К 44-му году мы были уже совсем другими. Даже приветствие командирам отдавали не лодочкой к виску, а лихо с разжиманием кулака у самого виска. Командиры учили нас везде и всюду опираться на солдатскую смекалку. И это нам очень помогало. Глубокой осенью или зимой во время похода при отсутствии жилья соберемся по трое – наломаем лапника, сверху плащ-палатку, накрываемся двумя. А чтобы крайние не замерзали, чередовались попеременно с лежащими в середине. Вырыть окоп или сделать землянку – привычное дело. Даже такие, казалось бы, мелочи, как, залезая в низкую землянку, не стучай сильно прикладом автомата о землю, иначе затвор опустится и может получиться выстрел. Докучали нам, конечно, артобстрелы и бомбежки. Зато могли отличать не только мину от снаряда,

но калибр орудия или миномета. Мина, она при полете торчит, да и хлопок у нее при выстреле слабее, а у снаряда гул позвонче и выстрел громче. Если летят они в сторону от тебя, то все слышно: и выстрел, и полет, и разрыв. А вот если в твою сторону, то перед самым взрывом ни шипенья, ни гула не слышно, но зато взрыв куда громче, да и засыпать может, а то и поцарапать. Отряхнешься, чертыхнешься про себя и подумаешь: «Ну, на этот раз пронесло». Прямые попадания ведь редко бывают. Зато как приятно слушать, когда бьет наша артиллерия, особенно дальнобойная. Снаряды летят над тобой, шелестят, а потом грохот у немцев, земля веером во все стороны, а если угодит снаряд в землянку, так и бревна к небу. Под дальнобойную немцев не пришлось попадать. Правда, вспоминается случай, было это на границе с Эстонией, в какой-то деревне. Прилетел шальной снаряд, ухнул. Солдат рядом с котелком сидел. Смотрим, нет солдата, а на том месте земли навалило кучу преогромную. Сообразили мы, давай быстро откапывать. Откопали – живой, только глаза какие-то полоумные, да слышит плохо, а так весь целенький без царапины. Однажды случайно под огонь наших «Катюш» попали, к счастью, только краешком. Не дай Бог, земля горела, не то что кусты и деревья. Долго, наверное, икалось гвардейцам-минометчикам от наших воспоминаний. Хуже, конечно, когда немецкие «ишаки» начнут обстрел. Тут уж держись. Проскрипят раза четыре-пять – успевай только прятаться. Траншея или окоп ходуном ходят. Но наши батареи их быстро засекали. Сейчас уже забываешь эту военную ономастику: «Катюши», «Ванюши», «Ишаки», «Сорокопятки» и др. А вот насчет ишака забавно получилось. Ну, ишак, да ишак, а что значит это слово, я не задумывался. А в 1970 году, будучи в санатории в Нальчике, на прогулке вдруг услышал, что проскрипело, как немецкий шестиствольный миномет. Смотрю – осел стоит в кустах. Так вот почему их «ишаками» называли. До войны живых ишаков я сроду не видал, а тем более не знал, что они кричат, как немецкие минометы.

При бомбежках лучше, конечно, только в том смысле, что все видно тебе, когда «Мессер» заходит для обстрела или «Юнкерс» для бомбежки. «Мессеры», те пошустрее летят, зато и пролетают мимо быстрее, а «Юнкерсы» брюхатые, те летят медленнее, значит, и ждать их подольше приходится. Особенно здорово мы научились определять время захода самолета в пике или для сбрасывания бомб с поражением цели. Безошибочно видели либо перелет, либо недолет. Даже сейчас при полете любого самолета определяю эту точку: пронесет или не пронесет. Сбрасывали не только бомбы. Помню, стояли у рожи Круглой, так они болванки железные и бочки дырявые бросали, чтобы шуму побольше, а то еще сирены включают. [...]

Большое значение для солдата имела дисциплина, или, как говорят теперь, «психологический климат». Здесь все было на виду, кто храбр, а кто и не прочь минутку другую полежать в укрытии, кто работяга, а кто и не переломится. Скажу честно одно: трусов и дезертиров у нас не было. Один раз только перед строем дивизии во время перехода расстреливали двух дезертиров. Это было на большой поляне в лесу. Зачитали перед строем приказ, и двум автоматчикам было приказано приговор привести в исполнение. Зрелище было ужасное. Дезертиры упали на четвереньки и с каким-то неестественным воплем поползли к автоматчикам. В таком положении они и были расстреляны. Может быть, где-то и всколыхнулась жалость к ним. Но если соразмерить меру их проступка с той мерой, которую платили солдаты своими жизнями во имя Победы, оставалось ли место для жалости этих двоих?

Были у нас во взводе люди разных возрастов, разных национальностей, разных профессий, с разным образовательным уровнем. Так уж получилось, что иногда старшина или сержант имели образование ниже, чем солдат. Причем у этого солдата и выправка была хуже, и котелок у него гремел, и одышка больше, чем у других. Однако редко было, чтобы командир показывал свой гонор. И если уж заставлял что-

либо делать солдата по несколько раз, так это для его же пользы, чтобы научился. Помню на переформировании, кажется, в Лисьем Носу у берега Финского залива, шел я навстречу начальнику штаба Петрову. Красивый и храбрый офицер с хорошей выправкой, он три раза скомандовал мне «кругом», пока я не догадался, что поворачивался через правое плечо. Дисциплина цементировала все отношения. И тон этому задавали, прежде всего, коммунисты и комсомольцы. Приказ не обсуждался и выполнялся. Размышляя уже теперь о пройденном во время войны пути, я все больше утверждаюсь в мысли, что командиры и, в частности, начальник полка 1252-го капитан Захаров, заботились о солдатах «со стажем». В этой дивизии я прослужил с 20-го сентября 1942 года до 25-го октября 1944 года, когда получил тяжелое осколочное ранение под г. Тукумсом в Латвии. Срок для рядового очень большой.

Особенно помогала взаимовыручка. Не могу не рассказать об одном эпизоде, который произошел с нами уже в конце лета 1944 года в южной Эстонии. Служил я тогда в химвзводе 1252-го стрелкового полка этой же дивизии. (В июне 1943 года после медсанбата был переведен из разведки 1250-го стрелкового полка). Позади были: прорыв блокады Ленинграда, взятие Пскова, эстонских городов Выру, Ангсла. Немцы, хотя и отступали, тем не менее яростно огрызались, используя любые возможности, чтобы приостановить наше наступление. Ранним утром мы подошли к одной мызе. Это было хорошее крепкое здание с надворными постройками. Во дворе этого хозяйства были две огромные, вкопанные в землю, бетонные бочки, наполненные куриными яйцами. Солдаты, конечно, воспользовались этим: кто в котелок, кто в каску набирали себе продовольствие. Кругом все было тихо и не предвещало ничего необычного. Командир полка дал приказ командиру нашего химвзвода разведать линию обороны противника. Наш комвзвода, лейтенант, для выполнения задания взял меня и еще двух бойцов. Вдоль берега реки мы подошли к мосту, который был взорван немцами при отступлении. По

уцелевшим остаткам моста перебрались на другой берег и углубились по дороге в сухой сосновый бор. Кругом стояла неестественная тишина, которая очень настораживала. По опыту мы знали, как обманчива она бывает на фронте. Обрывки наших газет все же наводили на мысль, что здесь проходили наши части. Внезапно лес кончился. Недалеко от дороги у самой опушки леса стоял небольшой домик, рядом, уже почти в поле, баня и небольшой сарай. Мы постучали в дом, и на крыльцо вышел хозяин дома. Попросили у него попить. День был ясный и жаркий. На наши вопросы – проходили ли немцы и где они – толком он ничего не ответил. Дорога шла в открытую лощину. Тут же у обочины увидели колышки с табличками «Мин нет». Это утвердило нас в мысли, что здесь проходили наши части. Направо впереди горел стог сена, налево, почти у самой дороги, стоял небольшой сарайчик для сена. Как только мы вышли из леса, немцы сделали небольшой минометный налет. Один из бойцов, не выдержав, остался в лесу. Мы втроем продолжали идти вперед по дороге. Внезапно рядом с нами разорвалась мина. Мы инстинктивно пригнулись, и в это время одиночный выстрел из винтовки поразил нашего лейтенанта в грудь. Фашисты всегда охотились больше за командным составом. Он был одет в полевой мундир, а мы в телогрейках. По всей вероятности, это был немецкий снайпер. Очевидно, они ждали нашего подхода, чтобы захватить нас живыми, и только непредвиденная случайность помешала им сделать это. Мы бросились за сарайчик в канаву, которая шла перпендикулярно дороге. Я сделал автоматную очередь, и мы проползли метров десять по канаве в сторону. У лейтенанта гимнастерка и нижняя рубашка были мокрые от крови. Ранение было сквозное. Кое-как индивидуальным пакетом и остатками рубахи перевязали грудь. Лейтенант был в сознании, хотя чувствовал себя неважно. Провели небольшой совет, подсчитали свои огневые ресурсы: три автомата, две «лимонки» и пистолет. Решили, что я останусь с лейтенантом, а второй боец сообщит в штаб данные о положении. Передовая немцев была в метрах 25 от нас, так как явственно

слышалась немецкая речь. Товарищ вылез из канавы, поднялся и побежал. В это время раздался одиночный выстрел, и он упал. Мы не могли определить, был ли он ранен или убит, или же упал сам. После небольшого обмена мнениями решили выходить самостоятельно. Вот уже здесь пригодился мне почти двухлетний опыт передвижения по-пластунски. Метров 600-800 тащил я лейтенанта. Впопыхах потерял лимонку, она висела на поясе. Было, конечно, тяжело и мы часто отдыхали. Хорошо, что трава была густая и довольно высокая, луг был не скошен. Метров за 15-20 от бани мы остановились, и я начал внимательно осматривать, нет ли кого внутри. В окно бани увидели, что товарищ машет нам руками. Заползли в баню и снова хорошо перевязали лейтенанта, так как повязка давно сбилась, кровь, хоть и не очень сильно, но все же сочилась. В домике у эстонца никого не было видно. Лейтенант обхватил нас за плечи, и мы повели – потащили его по дороге к лесу. Он все более и более грузнел и валился. Кое-как дотащили его до речки и перенесли через нее. Здесь он совсем сник и временами уже терял сознание. Порешали, что товарищ останется с лейтенантом, а я сбегая на мызу за санитарями и доложу начальству об обстановке. В это время картина уже сама начала проясняться. Немцы били из минометов по мызе, хотя и не очень сильно. Я устно доложил начштаба об обстановке и побежал просить лошадь для перевозки раненого. Все мирное население сбилось в подвале главного здания мызы. Ни мои просьбы, ни увещевание о поездке за раненым не возымели никакого действия. Лошадь и телегу же взять они разрешили. Тогда я быстро запряг лошадь в крестьянскую телегу для сена и галопом поехал к мосту. Лейтенант уже лежал без сознания. Мы погрузили его на телегу и быстро поехали к мызе. От моста до мызы местность была открытая и хорошо просматривалась противником. Немцы, видимо, заметили нас и дали залп по нашей телеге. И тут мне пришлось еще раз удивиться. Лейтенант, казалось бы, лежащий без сознания, вдруг пружиняще выпрыгнул из повозки в канаву. Но обстрела больше не было,

и мы подъехали к мызе. На наше счастье здесь стояла санитарная машина, куда мы быстро лейтенанта и погрузили. Я пошел сразу в штаб. Начальник штаба дал мне бумагу, и я кратко изложил все основное, что с нами произошло и предполагаемые позиции немцев. Не помню, кто мне налил водки, и я залпом выпил почти стакан. И вот тут со мной произошла разрядка: как-то зазнобило и немного затрясло. Но все быстро прошло. Жаль только, что запомнил фамилию лейтенанта. В лицо помню очень хорошо, и, наверное, узнал бы сейчас. Черноватый, небольшого роста, очень живой, по национальности украинец или белорус. Любил шутить. Верю, что он остался живой. Да и потом, вроде, сообщали из санбата, что все кончилось благополучно. Очень бы хотелось встретиться с ним. [...]

ГКУ ГАК, ф. Р-1483, оп. 1, д. 12, л. 6-16. Подлинник. Машинопись.